

палитра

179

Ильгизар Хасанов:

«Я – татар-малай* и космополит...»

В ЭТОМ году исполняется 10 лет «Казанскому альманаху». В первых его выпусках принимал участие известный казанский художник Ильгизар Хасанов. Мы решили встретиться с ним и узнать – как живёт, над чем он сейчас работает. И вот втроём, с главным редактором альманаха Ахатом Мушинским и фотокорреспондентом Михаилом Хузахметовым, поднимаемся в мастерскую художника...

* Татар-малай (tat.) – татарский мальчик.

*Ильгизар
Хасанов –
удивительный
рассказчик*

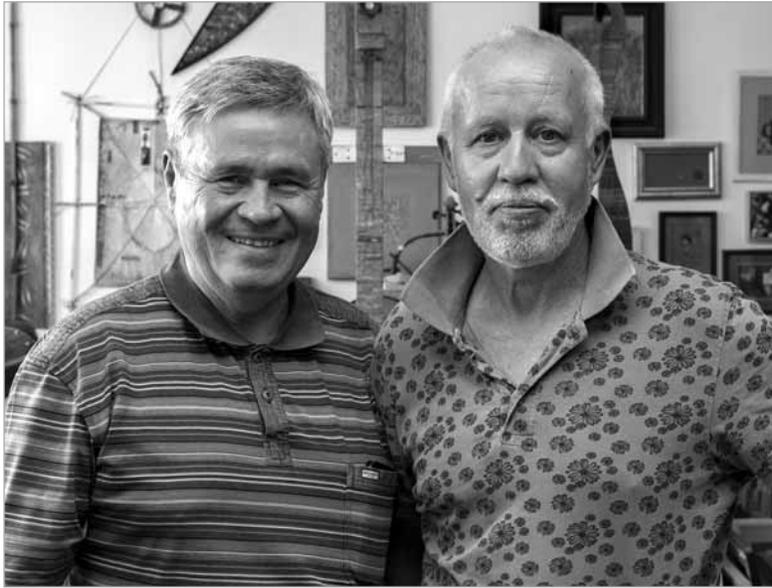
Она расположена на четвёртом этаже Художественного фонда на Большой Красной.

В мастерской повсюду – на стенах, стеллажах – картины, экспонаты, старинная утварь, скульптурки, элементы инсталляций, которыми в последнее время занимается Хасанов. Этим удивительным вещам несть числа: маленькие куклы-голышки, потускневшие от времени ёлочные игрушки, детские утюжки, весы... Радиоприёмники «Spidola», «Альтаир», коллекция фонариков в металлических корпусах, компас на кожаном ремешке...

А вот и музыкальные инструменты: детское пианино, труба, горн, пионерский барабан... Шляпы, туфли, ботинки... Ловлю себя на мысли, что эти предметы не кажутся чужими. Они тут будто собрались из далёкого мира детства, из старого родительского дома...

Ильгизар Хасанов хорошо известен не только в Казани, но и далеко за рубежами страны. На счету художника персональные выставки в Голландии, Германии, Швейцарии, Италии, Испании. А в Праге он был удостоен золотой медали Франца Кафки.

Хозяин мастерской с его доверительной, чуть ироничной манерой разговора сразу располагает к себе. И мы продолжаем ходить по мастерской, как по музею. У каждого экспоната – своя история, которую охотно рассказывает Ильгизар.

Вместе
начинали
альманах

Ильгизар Хасанов. Вот это манекен женщины из «Детского мира». Однажды пришёл в магазин за рыболовными крючками, стоял и смотрел, как её переодевали. Это был мой первый эротический опыт (*смеётся*). А это фигура трактористки – в натуральную величину. Она мечтает быть балериной. Стоит около трактора в красивом платье 30-х годов. Прототипом ей – моя тёща. Она всю жизнь работала в поликлинике медсестрой, а мечтала о балете. Композицию дополняют фотографии московских прим и шерстяная нить – нить Ариадны, которая ведёт к балерине, к балету.

А картины эти – старые (*показывает*): «Актриса», «Воин», «Из прошлого»... А вот «Пейзаж» – это набережная Казанки, бывшая Федосеевская, табачная фабрика с трубами. Её «Табачкой» называли в народе. Давно это было, пейзаж нынче другой, здесь теперь во всей красе Дворец земледельцев.

А вот интересный экспонат – горн. Я ведь лет в одиннадцать очень хотел играть на горне, замучил свою мать: купи да купи. Пошли в «Детский мир», купили. Дома встал перед зеркалом, дунул в него, и... ни звука. Мать выходит: «Что, не получается?» Я-то думал: встану как пионер на картинке, затру-

блю красиво. Не тут-то было! Пообещал записаться в Дом пионеров, научиться, но так и не пошёл. А теперь и горн есть, и фанфары, и галстуки пионерские... Только меня того юного нет.

Ахат Мушинский. А в пионерском лагере отдыхал?

И. Хасанов. Всего раз – в Дербышках, в пионерлагере имени Гагарина. Там я послушал горн. А вообще-то меня всегда в деревню отправляли. Гусей там пас, коров, овец...

А. М. Как ты почувствовал себя художником, во сколько лет?

И. Х. Поздновато, лет в тридцать. Но рисованием увлёкся ещё в школе. Получалось хорошо. Рисование для меня было делом серьёзным. Я ведь жил на Касаткина, часто ходил в баню мимо художественной школы. Там стояли учащиеся – парни, девушки... Я завидовал им, думал: «Есть же везучие люди!»

Рауза Хузахметова. Обычно кто-то из взрослых обращает внимание на способности ребёнка и поддерживает его...

И. Х. Есть дети, которых ставят на табуретку и говорят: «Ты самый талантливый», хоть человек ничего ещё толком и не сделал в жизни. А меня никто не замечал. Папа умер рано, мне было семь лет. Мама всё время на работе.

Сестра видела во мне офицера. Я жил тогда на Касаткина-Федосеевской. Эта улица считалась казанским Монмартром, туда испокон веков приходили студенты на этюды. Я смотрел на художников и боялся к ним подойти, не мог себя с ними сопоставить – комплексов было много.

Я ведь занимался в высшей спортивной школе. Видел себя спортсменом, военным, защитником. Хотел поступать в военное училище – артиллерийское. Даже документы сдал. Но не успел. В комиссии сказали, что нужно вырезать гланды. Вырезал, а они уже уехали...

Однажды увидел в газете «Казанская неделя» объявление, приглашали в театральное училище на художника-бутафора. Я тогда не знал даже, что это такое – бутафор. Никому не сказал и в числе первых сдал документы. Поэтому, наверное, меня и взяли, хотя конкурс был 3–4 человека на место. В основном туда поступали дети из художественной школы. И притом, после 8-го класса, а я уже был после 10-го. Так что повезло.

Поступил, год проучился, сразу подтянулся, догнал всех, стал отличником и... ушёл в армию. Чему-то, конечно, успели научить. Особенно мне нравилась скульптурная мастерская... Нет, всё-то в этом мире не случайно.

Р. Х. Вы для себя выбрали какое-то одно направление, стиль или этот выбор происходит всякий раз в зависимости от поставленной задачи?

И. Х. Есть стереотип, когда художника определяют по стилю, а мне один стиль не интересен. Я – мультиинструменталист. Занимаюсь и живописью, и скульптурой, и инсталляциями. Мне интересен сам процесс, а как меня при этом назовут – неважно. Это и есть творчество. Хотя, продавцам удобнее квалифицировать художника по стилю.

Р. Х. Ваше коллекционирование отличается от обычного... Предметы у вас обретают вторую жизнь. Когда началось это собирание?

И. Х. Коллекционер я нездоровый – собираю вещи, ценность которых определяю себе сам. Для простого человека

здесь столько мусора! Но я со всем этим материалом работаю. Делаю, например, инсталляции и объекты с детскими игрушками, которыми когда-то играли дети. Не могу назвать себя коллекционером. Я – собиратель, даю жизнь своим находкам в искусстве.

А собирать начал ещё в детстве. Рядом с нашим домом жили две учительницы в очень большом старом доме. Там такие хранилища были, столько всего! Мне было тогда 15 лет. Когда их дом снесли, старушек выселили, и я увидел столько истории, столько предметов серебряного века! Сначала приносил всё домой. Мама меня ругала, и я стал складывать вещи в сарае – скульптурки, фрагменты, книги... Это был мой штаб. Правда, когда ушёл в армию, много чего пропало. У меня там стоял хороший велосипед. Кто-то проломил крышу в сарае. Утащили и велик, и вещи, и хорошие книги – прижизненное издание Толстого, например.

Р. Х. Вы часто бываете за рубежом с выставками, а картина «Уроки французского» выставлялась на аукционе в Лондоне. Расскажите об этом.

И. Х. В Великобритании я выставлялся начиная с 1991 года. За это время в частные коллекции попало более ста картин, и меня там уже немножко знали. И вдруг предложили участвовать в аукционе. Туда попасть из России трудно. Я, конечно, согласился. «Уроки французского» – коллажная картина. Там наклеена страница из настоящей тетради. Это в 1908 году в Казани на Касаткина жила девочка и занималась уроками французского. Мне досталась тетрадь, в которой она отрабатывала чистописание, переписывая один и тот же текст, писала пером. Картина тоже ушла в частную коллекцию.

Р. Х. Ильгизар, вы являетесь идейным вдохновителем и создателем центра современной культуры «Смена». Он работает в том направлении, в каком вы его задумывали?

И. Х. Он работает гораздо круче, чем я задумывал. Мы предполагали художественную часть, галерейную и немного

Удивительная
экспозиция
в мастерской
художника

коммерческую. Но времена тяжёлые, и друзья-предприниматели постепенно отошли от дела. Но я всё же запустил дело. Друг-предприниматель дал денег, мне тоже пришлось вложиться. «Смена» – это выставки, лекторий и книжный магазин интеллектуальной литературы, каких в России немного. Недавно здесь была книжная ярмарка, приезжали лекторы и издатели из разных городов. «Смена» – это хорошая команда единомышленников и энтузиастов, руководитель – мой сын Роберт. Сейчас там ремонт, а вообще – центр должен стать культурным кластером.

Р. Х. Роберт тоже увлекается живописью?

И. Х. Нет, графикой. Это есть такие талантливые дети, которые рисуют независимо от родителей. Он начал рисовать с двух лет. Я хотел, чтобы он был историком, например. Историк – это, на мой взгляд, человек с хорошим общим образованием. Роберт учился в университете, на пятом курсе бросил и не жалеет. Он – умница, много чего знает и в области кино, и в области культуры. И дизайном, и фотографией занимался. Может быть, всё и соединится, а пока он – организатор, занимается «Сменой». Мне нравится, что молодой человек

тридцати лет всего себя отдаёт культуре. Я им горжусь.

Сейчас мы вместе в Булгарах должны делать проект экспозиции этнографического музея.

Р. Х. Интересный проект?

И. Х. Проект нужный. Мы делаем проект музея с нуля. Это не первый проект. Мы делали дизайн экспозиции музея Максима Горького. Я надеялся, что через Горького, через его особенность, конформизм, можно будет показать историю нашей страны. Он же сложный писатель. Много чего можно было показать. Но музейщики остались в рамках привычного. Горький – великий человек. Что меня потрясло – больше прецедентов не было, чтобы один человек был культовой фигурой и при царском режиме, и в советское время. Он ведь одно время выше Чехова и Толстого стоял по цитируемости. В полярных – царском и советском – режимах стать первым – это интересно! В музеях ничего этого не видно, к сожалению. Вот эти книги (*показывает*) отдам в музей Горького. Я-то думал, что сам буду делать его, но не сложилось. Теперь возьмётся за Булгары – за музей Спасского уезда.

Р. Х. Что вас привело в первые номера «Казанского альманаха»?

И. Х. Ахат вот пригласил, и я согласился. Выслушал требования и стал рисовать картинки к текстам. Проиллюстрировал, например, Василия Аксёнова, Беллу Ахмадуллину... У меня ведь теперь тоже есть свои две Беллы-итальяночки – Иллария и Беатриче – скромные татарские имена. *(Смеётся и рассказывает о семье старшей дочери Дианы, которая живёт в Риме. Кроме русского и татарского, Диана свободно владеет итальянским и английским. А её дочери Иллария и Беатриче легко общаются с папой на итальянском, а с бабушкой – на русском. Ильгизар учит их татарскому и прочит Беатриче будущее оперной певицы.)*

Михаил Хузахметов. Скажите, когда приходит творческое вдохновение?

И. Х. Творчество – это процесс. Эмоциональная часть происходит коротко, а вообще рутинной работы очень много. В моей технике много подготовки, наслоения, процесс подбора, просушки... И когда всё сходится, получаешь удовольствие. Я – трудоголик. У меня много работы – и в Казани, и за границей. За рубежом очень уважительно относятся к художнику. Если ты что-то умеешь – аплодируют, говорят комплименты, выражают мнение. Вот в Шотландии в 1992 году я выставил 21 картину. К концу выставки раскупили все работы. Шотландские художники прибежали на меня посмотреть – они в год одну картину не могут продать.

М. Х. Как вы относитесь к утверждению, что художник должен быть голодным?

И. Х. Хотят лишить художника последнего, чтобы улучшить качество? Нет, это – стереотип. Художнику сложнее справиться с деньгами, славой – «медными трубами». Если вдруг начнёт играть тем, что стал знаменитым, талант может исчезнуть. Я таких видел: 50 лет, энергичный, а творчества нет. Надо уметь справляться – с деньгами, с алкоголем. На самом деле художников – в широком смысле этого слова – надо

хвалить и поддерживать. Ведь они всё возвращают. Вот я как-то одному чиновнику задал вопрос: «Почему мастерские художников не сделать в центре Казани?» Он ответил: «А не жирно будет?» Я говорю: «В Париже художники в центре сидят, в Амстердаме, в Эдинбурге тоже. А в Казани почему нельзя?» Не ответил, но, наверное, осерчал.

А. М. А что за премия у тебя – «Инновация»?

И. Х. Это в 2014 году наш проект был отмечен государственной премией России «Инновация», и я – единственный в Казани лауреат. Десять художников участвовали в проекте, я представлял Казань. Проект был сделан по одному из рассказов смешной, ироничной книги «Ниже Нижнего» о том, как ребята-краеведы плавали на пароходу в Нижний и хохмили там. Выставка, кстати, была в разных городах. И в Казани тоже. В Кремле в Манеже 10 дней шла выставка. Закончилось тем, что её номинировали и назвали лучшей.

М. Х. Скажите, а возможно творчество ради денег изначально?

И. Х. Всё возможно. Есть нормальное коммерческое искусство. Когда я делаю музей – становлюсь коммерческим художником. А если делаю сам на свои денежки, и мне говорят: «Это – полное г...», а я говорю: «Нет», то это – другая форма. Но и то, и другое – нормально.

М. Х. Вы закладываете в творчество какой-нибудь социальный вызов с точки зрения протеста?

И. Х. Есть искусство политическое – от плаката до уличных акций. Вот, например, китайский автор Ван Вей. Он стал известным, великим за счёт политического искусства. Но это ненадолго, политическое искусство быстро сгорает. А вот Пикассо будет всегда, и будет только дорожать.

М. Х. Вы следите за творчеством современных или молодых художников, участвуете или поддерживаете их?

И. Х. В Казани не участвую. Не потому, что не хочу, а потому, что эти художники никак себя не проявляют. Я не

преподаю, хотя могу подсказать, объяснить...

М. Х. В общем, больше в сына вкладываетесь?

И. Х. Нет-нет, он сам. Он умнее меня, информированнее. Я что-то подсказываю чисто технически, опыта у меня, конечно, больше. Сейчас он, как я уже говорил, занят «Сменой».

Р. Х. Когда там намечена следующая ваша выставка?

И. Х. Если сейчас с музеем свяжусь, выставка отодвинется – должен буду делать экспозицию. Там метров 300 квадратных, несколько зданий... Так что, скорее всего выставка моя отложится до осени 2017-го.

Хасанов о себе говорит: «Я – татар-малай и космополит. Одинаково хорошо чувствую себя и в Татарстане, и в Испании, и в Голландии, и в Италии...» Татар-малай, как он часто себя называет, представляет Татарстан на лучших творческих площадках мира. Поистине – непростой, но счастливый удел.

Два с половиной часа пролетают незаметно. Ильгизар – удивительный рассказчик. На каждый «последний» вопрос следует интересный ответ, который просто требует продолжения беседы. Нам с трудом удаётся её завершить. И мы уходим с ощущением, что о многом ещё не поговорили. Что ж, будем следить за афишей центра современной культуры «Смена» и ждать следующую выставку мастера и встречу с ним.

*Беседу записала
Рауза Хузахметова,
фото Михаила Хузахметова*